

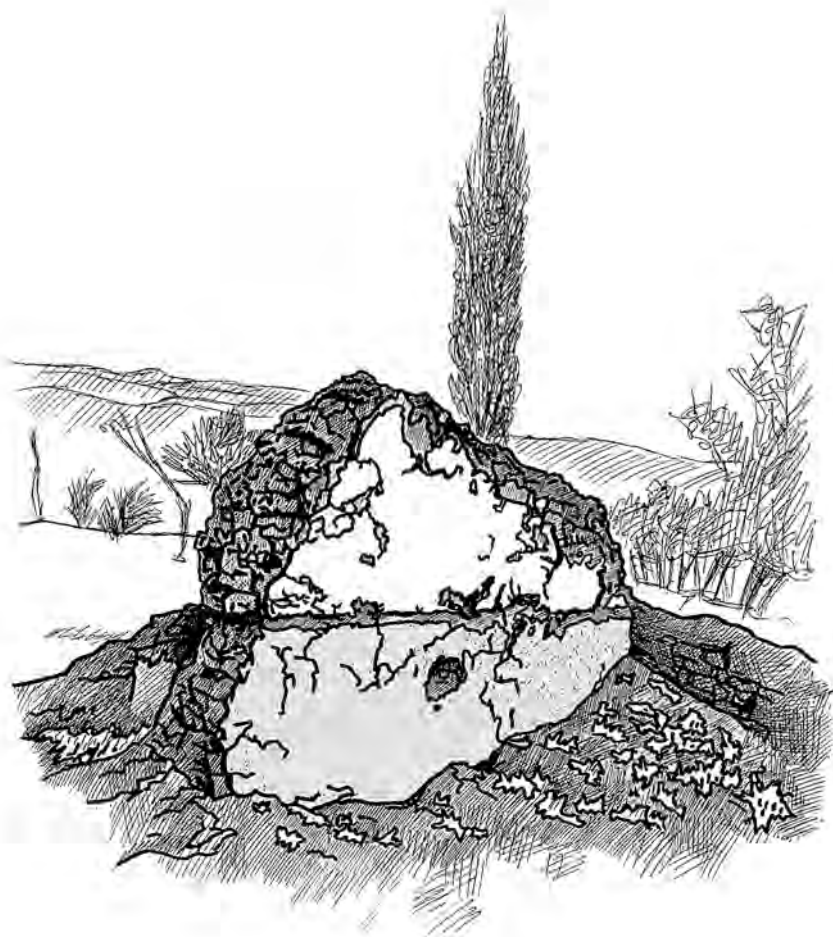
Тагызаде Абасов

ИСЦЕЛЁННЫЕ
РАНЫ

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2020

Часть I

Глава 1

Я стоял в полный рост на небольшом камне с наружной стороны дома и, упёршись лбом в оконное стекло, с тоской смотрел на сидящих внутри людей. Они отмечали новоселье. От вкусных запахов у меня текла голодная слюна и сводило живот.

— Тагír, пойдём... — обращаясь ко мне, сказал стоящий рядом Ализаде́. — Внутри нас всё равно не пустят.

— Почему? Она же обещала!

— Она врала, а ты, как всегда, развесил уши! Будешь тут долго стоять — можешь получить по шее. Пойдём.

Я знал, что Ализаде прав, но мне всё же хотелось принять участие в торжестве, ведь мы с братом как никто имели на это право. Труда в этот новый дом мы вложили больше всех.

— Что уставился? — Сзади неожиданно прозвучал резкий голос Гияма́т. — А ну пошёл отсюда, щенок! Давай иди работай! — толкнув меня в плечо, сурово приказала она. Не удержав равновесия, я грохнулся на землю, больно ударив локоть. — И ты тоже, Ализаде, марш отсюда — у тебя полно обязанностей! Нечего тут расхаживать по двору!

Вжав головы в плечи, мы с Ализаде уныло побрели со двора каждый в свою сторону.

— Бедный ребёнок, — услышал я за спиной негромкий голос одной из соседских женщин.

— Да, не говори, — прозвучало в ответ. — Если бы только Гудра́т видел это!

— Он бы, наверное, умер во второй раз, если бы узнал, что его детей держат за прислугу. Джан балá, джан!* Видимо, на роду у вас так написано.

Не реагируя на эти слова, я шёл, погружённый в мрачные мысли.

Мне и раньше доводилось немало слышать о моём знатном происхождении, но я никак не мог понять, почему тогда я нахожусь в таком нищенском положении. Периодически я улавливал за спиной перешёптывания соседей о вещах, которые никак не укладывались у меня в голове. Например, о том, что мои деды как по линии отца, так и по линии матери были одними из самых состоятельных людей в тех краях, где мне суждено было родиться.

А родился я в живописной местности, в Джалилабадском районе, славившемся виноградарством и виноделием, густыми лесами, богатыми флорой и фауной, высокими холмами, бурными реками. Территория нашего района на западе граничит с Ираном. Село под названием Ярылы**, в котором я появился на свет, необычайно красиво. Я называю его райским уголком. Только представьте: голоса животных, журчание ручьёв, пение птиц, кристально чистая родниковая вода, свежий воздух, напоённый запахами сочной травы и деревьев, порхание бабочек и ясное небо над головой, тишина и прохладный густой туман на рассвете... Летом, если подняться на одну из многочисленных возвышенностей, взору открываются бескрайние просторы полей, по утрам покрытых росой, и лесов, макушки деревьев в которых сверкают на солнце...

* Джан (тюрк.) — букв. дух, душа, сердце, жизнь. Азербайджанцы это слово употребляют в качестве эпитета «дорогой», «милый». Балá (азерб.) — дитя, ребёнок. — Все подстрочные примечания, если не указано иначе, принадлежат редактору.

** Ныне село Ярылы объединено с близлежащим селом Мамеддралы и утратило своё название.

Зимы здесь обычно бесснежные, спокойные, но порой, очень редко, мороз сковывает водоёмы, деревья застывают в бело-снежной бахrome и на соснах поблёскивают серебристые мохнатые шапки. Кругом студёная тишь, снежный покров мягко укрывает землю и согревает её, делая плодородной.

Год за годом подрастая в этих чудесных краях, я частенько улавливал мимолётные упоминания о своём происхождении и предках, которых никогда не видел. Уже в десять лет меня, мальчика-пастуха, охватило страстное желание узнать, что́ это за известный род, к которому я принадлежу, чья́ кровь течёт в моих жилах, кем были мои родители, чьи лица я смутно помню, и есть ли у нас с братом родственники помимо тех, кто живёт в нашей округе?

Вопросы бесконечной вереницей проносились в моей голове, ни днём ни ночью не давая мне покоя. В мыслях, подобно фильму, мелькали эпизоды и повторялись кадры, основанные на разрозненных рассказах людей, слушая которые я каждый раз пытался угадать биографии своих дедов. Впрочем, меня тут же пронзало мучительное сомнение: «А правда ли всё это? Может, это просто ни на чём не основанные слухи и ничего более? Может, я всё пытаюсь придумать, чтобы как-то, пусть частично, заполнить душевную пустоту и прогнать тоску, которая порой так подминает под себя, что становится трудно дышать?»

Наконец, решив убедиться в небезосновательности пересудов, я, играя роль следователя, обратился к долгожителю нашего села, который немало повидал на своём веку. Это был человек преклонного возраста, в длинной, до колен, бурке из тонкого козьего войлока, с седой, как белое золото, бородой, орлиным носом и тёмными, пораженными катарактой, глазами. На голове он носил, как все кавказские чабаны, чёрную папаху из бараньей шкуры. Его раз и навсегда

загоревшее под палящим солнцем смуглое морщинистое лицо несло на себе отпечаток тяжёлой судьбы. Несмотря на преклонный возраст и тяжёлую долю, держался он гордо, не давая тяготам жизни сломить себя, сохраняя доброту души и руководствуясь жизненным опытом и стариковской мудростью. Дед, которому перевалило уже за восемьдесят, бегал быстрее молодых. С юности всю свою жизнь он пас овец и курил табак.

Должен заметить: судьба любого чабана не из лёгких — всегда в бдительном надзоре за овцами, летом в горах на солнцепёке, а зимой близ овчарни, ведь скот могут погубить не только волки, но и ледяной ветер или внезапный снегопад.

Несмотря на детские годы, я сам ежедневно пас принадлежавшее жителям нашего села стадо овец. Пастбище находилось неподалеку от того места, где почитаемый мной старейшина, дед Гусейналы́, пас государственное, колхозное стадо.

Однажды, набравшись смелости, я подошёл к нему, чтобы провести своё маленькое расследование. Наверняка этот мудрый человек знает много того, чего не знают другие односельчане.

— Здравствуйте, Гусейналы-баба́*. Можно мне немного посидеть с вами?

— Здравствуй, Тагир, сынок. Конечно! Усаживайся поудобнее, — приглашая присесть рядом с собой у разведённого костра, с доброй улыбкой поприветствовал меня дед. — Ну, рассказывай, как поживаешь?

— Спасибо, всё хорошо, баба́, — в знак уважения пожал руку старца обеими руками, ответил я. Конечно, никакого

* Баба́ (азерб.) — дедушка.

«всё хорошо» не было, но по-другому ответить я не мог. Затем быстро добавил: — А как у вас дела?

— Слава Всевышнему — живём помаленьку. Сколько жизни на земле мне отмерил Аллах, столько я и буду жить по Его милости.

Не зная, как начать разговор, и опасаясь других вопросов относительно моего житья, на которые мне не удастся честно ответить, я решил перейти прямо к делу.

— Гусейналы-баба́, расскажите мне, пожалуйста, о моих дедах. Вы наверняка о них что-то знаете. Кем они были и чем занимались? Я ничего не знаю о них. Я почти не помню свою родную мать и мало что помню из жизни с отцом.

— А-а-а, так вот зачем ты пожаловал?.. А я-то думал, что ты решил навестить старика и порадовать его своим обществом, — пошутил дед.

Опустив голову, он вынул из-за пазухи кисет с табаком, заправил им чубук пальмового дерева с простым мундштуком, зажёл трубку и сделал несколько глубоких затяжек. Я пристально смотрел на него. Потупив взор, он словно замкнулся в себе и, наверное, где-то глубоко в памяти «перелистывал» свои молодые годы. Дед долго сидел неподвижно, напрягая зрение, вглядывался вдаль и то легонько улыбался, то становился грустным. Слезы наворачивались ему на глаза. В тот момент у меня в голове промелькнула мысль, что он как будто заново переживает бурную молодость — все те радости и скорби, которые выпали на долю простого душой теперь уже старика. Мне казалось, что он вспоминает дорогой сердцу дом, где родился и вырос, а может, свою первую любовь, которая так много значила в его жизни, или своих друзей и близких, которых, возможно, он потерял на войне. Выражение его лица выдавало разрывающие грудь болезненные воспоминания, будто все эти события происходили с ним вчера.

Не в силах оторвать взгляд от деда, я ощутил, как меня начинает душить застрявший в горле ком. Сердце в груди сжалось. Видя отчаяние и боль в глазах старика, я почувствовал вину и уже начал было раскаиваться, что задал ему этот вопрос... Он же, уловив моё волнение и дрожь, поднял голову и ласково обнял меня.

День стал клониться к вечеру. Всё реже слышалось пение птиц. Солнце уже скрылось за горами, но его лучи все ещё отражались от редких скал. Когда день подходит к концу, можно наблюдать захватывающую картину: солнце становится красно-оранжевым и прячется где-то среди холмов и скал далеко-далеко за горизонтом. Закаты здесь и впрямь бесподобные: небо приобретает сказочную окраску, излучая счастье и веру. Но на тот момент этот неописуемо дивный закат вызывал у меня уныние и рвал в клочья мои надежды.

Дул влажный вечерний ветерок. Холод постепенно пронизывал меня до костей. На мне была скудная одежонка, которая бывает у сельских детей из очень бедных семей. Я начал дрожать, и дед Гусейналы укутал меня в свою чабанскую бурку, которая вся была пропитана запахом овец. Налив мне из термоса горячего чаю, он предостерёг:

— Мальчик мой, если я начну рассказывать тебе о твоих дедах, мне не хватит и вечности. Это будет долгий рассказ.

Заметив грусть на моём лице, он немного огорчился, затем, сделав ещё несколько затяжек, начал самый долгожданный для меня рассказ.

— Ну... тогда слушай, сынок. Твои деды как по материнской, так и по отцовской линии были самыми состоятельными жителями нашего района. Все в округе знали их семьи со знатными фамилиями и богатыми традициями. Твоего деда по отцу звали Гаджиабду́л. У него была большая семья — семь

сыновей и три дочери. Гаджиабдул пользовался большим уважением среди жителей села. Он обладал редким характером: был в меру строгим и в то же время очень мягким, великодушным и щедрым человеком. Трое старших его детей обзавелись семьями, отстроили себе дома и держали по несколько слуг, так как тоже были богатыми людьми.

Мой взгляд искрился, тело трепетало от волнения и жажды узнать обо всём в деталях, сердце горело ещё бóльшим любопытством, а перед внутренним взором были готовы развернуться картины прошлых событий. Внимательно следя за движениями губ Гусейналы, я сохранял в памяти каждое его слово и каждый жест.

— В саду без конца кипели самовары, из укутанных тяжёлыми махровыми полотнищами заварочных чайников пробивался приятный аромат чая, постоянно дымились мангалы, никогда не пустели казаны, повсюду распространялся запах роскошных блюд. Для желающих отведать эти яства были расстелены дастарханы*. Твой дед всегда помогал беднякам и сиротам. Он старался заботиться не только о своих нуждах, но и о нуждах других людей. Однако... — с сожалением в голосе глубоко вздохнул дед Гусейналы, — эта спокойная и счастливая жизнь продолжалась недолго — в один миг она коренным образом изменилась. В стране всё перевернулось вверх дном: вспыхнуло народное восстание, и было свергнуто правительство ханов. Пришли красноармейцы и установили новую власть — власть Советов.

Погрузившись в свои мысли, дед Гусейналы вновь замолчал. Брови его были нахмурены, губы крепко сжимали мундштук. Нервно дымя трубкой, он наблюдал за мерцающими

* Дастархан — скатерть, для трапезы расстилаемая на полу или на земле некоторыми народами Востока, в том числе азербайджанцами.

огоньками, затем, глубоко вздохнув, начал ковырять палкой в костре — ворошить горящие угли. Добавив в костёр несколько сухих веток, чабан устроился поудобнее и, откашлявшись, продолжил свой рассказ:

— Советская власть решила полностью изменить жизнь жителей страны. Теперь все должны были жить одинаково, иметь одинаковое имущество и одинаковый уровень жизни. Не должно было быть ни бедных, ни богатых, поэтому у твоего деда и его состоящих в браке детей отобрали почти всё имущество, все земельные наделы и весь скот, оставив им всего лишь малую часть того, что у них было. Бóльшая часть имения была передана в государственную собственность, роскошные дома были превращены в школы. Такой драматичный поворот в жизни твоего деда Гаджиабдула стал для него сильным ударом, но Гаджиабдул старался держаться прямо, казаться равнодушным, улыбаться и продолжать жить, ведь ему предстояло устроить жизнь своих ещё не обзаведшихся семьями детей. Когда он решил женить твоего отца, Гудрата, он нашёл ему невесту из своего круга — из такой же знатной и богатой в прошлом семьи, которую также лишила имущества советская власть. Девушку звали Хошгедём. Породнившись семьями и объединив остатки своих состояний, два свата стали союзниками. Среди жителей округа они пользовались особым влиянием и уважением, однако Гаджиабдул так и не смог привыкнуть к новому укладу жизни и вскоре скончался.

Дед Гусейналы прослезился, но, быстро вытерев глаза, бодро продолжил:

— После того как умер твой дед, твоего отца, несмотря на его молодой возраст, назначили председателем недавно организованного колхоза, потому что в те годы не хватало грамотных специалистов. Жизнь постепенно начала налаживаться.

Спустя какое-то время у него родился первенец — твой брат Ализаде. Чтобы отпраздновать после стольких мрачных и скорбных дней это радостное событие, твой отец устроил настоящий пир. Он заколол несколько овец и раздал мясо соседям и нуждающимся. Этот праздник люди долго помнили. По прошествии чуть более двух лет твой отец устроил точно такой же пир — так он отметил твоё появление на свет*.

На лице деда засияла добрая улыбка. Сквозь густую бороду, обрамляющую его загорелое лицо, виднелись хорошо сохранившиеся для его лет два ровных ряда зубов. Обращаясь ко мне, он слегка похлопал меня по плечу. Меня переполняли смешанные чувства: то моё сердце пронзали боль и тоска, то каждую клеточку моего существа насыщала радость. Для меня на тот момент не существовало ни времени, ни пространства. Я с жадностью слушал этот рассказ и очень боялся упустить хоть какую-нибудь деталь.

— Твои родители были очень счастливы, — рассказывал дед. — Они безмерно радовались вашему рождению, и их радости не было предела. Твоя мать Хошгедем — красивая женщина с роскошными длинными волосами — была очень добрым и невероятно отзывчивым человеком. Все любили её за милосердие и готовность всегда любому протянуть руку помощи. Она обладала необычайно приятным голосом и часто напевала вам колыбельную, которая звучала, как пение не земной птицы:

* В утерянном свидетельстве о рождении, которое я обнаружил в архиве спустя сорок лет после окончания школы, год моего рождения указан как 1948-й, а в удостоверении личности — как 1950-й. Раньше в азербайджанских селах в силу разных причин многие вообще не знали дня своего рождения. По всей видимости, так же обстояло дело и со мной. Вся моя документация в течение всей моей жизни оформляется с указанием даты рождения 16.05.1950 г. — *Примечание автора.*

Balam, lay-lay, a lay-lay!	Баю-бай, мой малыш, баю-бай.
Gülüm, lay-lay, a lay-lay!	Глазки ты поскорей закрывай.
Lay-lay dedim yatasan,	Сладким сном, мальчик мой, засыпай.
Qızıl gülə batasan.	Засыпай среди бархатных роз,
Qızıl gülün içində	Чтобы в нежном нектаре мимоз
Şirin yuxu tapasan.	Ты нашёл самый сладостный сон.
Balam, lay-lay, a lay-lay	Баю-бай, мой малыш, баю-бай.

Дед Гусейналы напевал мне эту колыбельную, и его выцветшие глаза блестели, на губах играла светлая улыбка. Наверное, он вспоминал своё детство и ласковый голос своей матери, когда-то певшей ему эту же самую колыбельную. Ах, если бы только он мог на миг вернуться в те юные и безмятежные годы... если бы только он мог на миг услышать нежный голос матери... вдохнуть аромат материнской любви... коснуться её тёплых рук... прижаться к её защищающей от невзгод груди... Увы, это уже невозможно!

Увидев, как я с открытым ртом застыл, ожидая продолжения рассказа, Гусейналы поправил свисавшую с моих плеч чабанскую бурку и продолжил:

— У твоих родителей были большие мечты и планы относительно вас с братом и всей вашей семьи. Но кто знал, что жизнь преподнесёт ещё один роковой сюрприз и все эти мечты и планы рассеются, как туман? У судьбы свои пути, и как она их проложит, никому не ведомо, кроме Аллаха. После всего пережитого их новая счастливая жизнь была как короткий счастливый сон. Затем словно поднялся новый ураган и своей разрушительной силой смёл всё на их жизненном пути.

Съёжившись от душевной боли, дед Гусейналы больше не мог говорить. Я видел, как спазмы в горле душат его. Он делал усилие, чтобы вдохнуть воздух или проглотить слюну. Глаза

его подёрнулись слезой. Бросив на меня ласковый взгляд, он наклонился и поцеловал меня в бритую голову. (Моя старшая двоюродная сестра Гиямат, которую из-за большой разницы в возрасте я называл биби* и которая, если можно так выразиться, воспитывала меня, всегда брила мне голову, чтобы в волосах не заводились вши. Она постоянно твердила: «Зачем тратить деньги на мыло, когда можно остричь волосы и сэкономить средства?», поэтому всё детство я ходил бритым.)

Над селом начали сгущаться сумерки. Вокруг всё окрасилось в розовые и лиловые тона, постепенно переходящие в исчезающие оттенки ночи. Краски становились тусклее, тени обступали со всех сторон. Контуры домов и людей расплывались в густой бархатной синеве. Природа потихоньку засыпала. Мне пора было возвращать овец в село, их хозяевам, Гусейналы тоже предстояло перегнать колхозное стадо в загон.

На прощанье дед крепко обнял меня, прижал к себе и, показав посохом на невысокий холм, добавил:

— Ну, беги домой, сынок. Встретимся завтра, ближе к обеду, вон на том холме.

— До свидания, баба́. — Помахав рукой, я весело помчался домой, гоня перед собой отару.

* Биби (азерб.) — тётя со стороны отца.

Глава 2

Всю ночь я не мог уснуть. Перед глазами оживали картины из рассказа старожилы Гусейналы: богатый дом моего деда Гаджиабдула; роскошные блюда на белой скатерти (я даже пытался почувствовать вкус этих яств, которых, насколько помню себя в детстве, никогда не пробовал); музыка, смех и веселье собравшейся на праздничную трапезу семьи; нежный голос матери, поющей мне колыбельную песню... Пытаясь согреться в призрачных маминых объятьях, ближе к утру я погрузился в глубокий сладкий сон.

Наутро мы с дедом Гусейналы встретились в условленном месте. Ласково и нежно светило солнце и, поднимаясь всё выше, золотило верхушки деревьев. Птицы щебетали так игриво, словно радовались вступившему в свои права теплу. День казался необычайно приветливым и благосклонным, ведь скоро я услышу продолжение истории о любимых дедах и родителях.

Гусейналы сидел у разведённого костра и, дожидаясь меня, раскладывал хлебные лепёшки на нагретом в костре плоском камне. Дед прекрасно знал, что, несмотря на мой тяжкий труд, живу я впроголодь, поэтому решил угостить меня сытными лепёшками, которые пекла его внучка. Он подошёл ко мне и обнял меня с такой теплотой, с которой только дед может обнять своего любимого внука, погладил мою бритую голову, и мы сели рядом. Я с напряжением ожидал того момента, когда он начнёт рассказывать дальше.

— Ну, что, ждёшь продолжения о своих родителях? — положив мне руку на плечо, дружески спросил дед. Я поспешно

кивнул, застенчиво улыбаясь. — Ну, тогда ешь лепёшки, пока они горячие, а я буду рассказывать дальше. — Он разжёл трубку и сделал несколько глубоких затяжек. — Так на чём я вчера остановился? А-а-а... вспомнил. Так вот... у твоей матери был брат, которого звали Алимурáд. Ох уж ловким и проворным был этот парень! Втайне занимался коммерцией, а так как наше село граничит с Ираном, часто нелегально пересекал границу и доставлял оттуда золотые украшения и другие драгоценности. В те времена подобная торговля каралась законом, да и сейчас карается, — обречённо махнул рукой дед и продолжил: — Пограничники не могли уличить его в этом, потому что в то время Красная Армия ещё не полностью укрепила свои позиции на границе в горах. Со временем погранзаствава перешла на усиленный режим охраны, но тогда... Однажды Алимурáд по своему обычаю решил пересечь через реку и по холмам границу с Ираном. Переходил он рубеж примерно в три-четыре часа ночи. На этот раз стражи заметили его, но решили сразу не арестовывать, а проследить за ним, чтобы заодно поймать и всех его сообщников. Его следы привели пограничников в ваш дом. Алимурáд прекрасно знал, что если Гудрат узнает, как брат его жены украдкой посещает их дом, то сдаст его властям. Твой отец был честным человеком и считал непристойным поведение Алимурáда, поэтому Алимурáд, тайно проникая в ваш дом с заднего крыльца, сразу пробирался на чердак (люк на него находился прямо в прихожей), а ночевал на сеновале. На рассвете, пока его никто не заметил, он убежал. Так Алимурáд поступал каждый раз.

Тут дед Гусейналы сделал небольшую паузу и огляделся по сторонам. Приставив ко лбу широкую ладонь, он пристально всматривался в даль ущелья, туда, где паслось вверенное ему стадо. Убедившись, что всё в порядке, он перевернул лепёшку на другую сторону и продолжил:

— Пограничники силой ворвались в ваш дом и за считанные секунды всех подняли на ноги. Они бросились искать преступника по всем комнатам, швыряя на пол всё, что попадалось им под руку. Затем начали угрожать отцу, выдвигая против него обвинение, что он прячет у себя уголовника. Тот, не понимая, о чём идёт речь, пытался прояснить ситуацию. Минут через десять на чердаке поймали Алимурата и нашли у него иранские драгоценности. Следом надели наручники на твоего отца, арестовав его за то, что он укрывает у себя контрабандиста. Пограничники усиленно делали вид, будто не знают о том, что в мирных азербайджанских сёлах, где царят порядочность и доверие, жители не вешают на двери замки. Они твердили, что твой отец — сообщник Алимурата и умышленно прячет его у себя. А вы, маленькие, от испуга сильно плакали. Отца и Алимурата увезли в военную комендатуру. Суд приговорил Алимурата к пяти, а Гудрата к одному году тюремного заключения. Для всей семьи это было страшным потрясением, особенно для Гудрата. Он чувствовал себя униженным, так как был одним из уважаемых людей в районе. Этот случай запятнал его репутацию и бросил тень на всю его деятельность. Без промедления его сняли с должности председателя колхоза. Старший брат твоего отца, Закулла, узнав о его аресте, скончался от сердечного приступа. Все эти события, произошедшие одно за другим, сокрушили Гудрата — у него начались проблемы со здоровьем. Твоей матери Хошгедем каждую неделю приходилось преодолевать двадцатикилометровый путь от села до районной тюрьмы, чтобы навещать отца и носить ему передачи. Иногда она шла пешком, иногда ехала верхом на осле. Ей было стыдно, больно и тяжело на душе за поступок своего брата Алимурата, ведь это по его вине над семьёй нависли чёрные тучи. Бесконечные дни сменялись бессонными

ночами, бессонные ночи — полными тяжких раздумий днями. Время тянулось, вычёркивая из жизни недели и целые месяцы. Жители села, понимая всю несправедливость происходящего и сочувствуя несчастью одной из лучших семей в округе, написали ходатайственное письмо в суд с просьбой освободить твоего отца. Вскоре его отпустили, однако изнурённая переживаниями Хошгедем ослабла и совсем занемогла. В результате тяжёлой болезни она скончалась... ушла из жизни совсем молодой, в самую цветущую пору своей жизни, не дожив и до двадцати пяти лет. Добрая, простая, заботливая, полная сострадания ко всем... ушла... Тебе тогда было всего пять лет.

— Баба́, — сказал я, — я помню, как отец, спускаясь к реке, часто подолгу сидел на корточках и плакал. А потом умывал лицо, чтобы скрыть следы слёз. Он был мужественным, да, баба́? — Я был уверен, что Гусейналы утвердительно ответит на мой вопрос. Мне даже было не столь важно, что́ он скажет, сколько хотелось убедиться в том, что я тоже хоть как-то помню отца, что успел впитать его наставления, перенять его характер. — Он говорил, что мужчины не плачут и не должны жалеть себя. Я тоже буду, как он, да, баба́? Мужественным и... и... — Наверное, я тогда хотел сказать «твёрдым», но в голове у меня крутилось какое-то слово, напоминающее негнущуюся железку. Наконец я набрал побольше воздуха в грудь и предательски дрогнувшим голосом произнёс: «И тоже не буду плакать», хотя в тот момент мне больше всего на свете хотелось разреветься. Я отвернулся, чтобы дед не заметил моих слёз, потому что я — мужчина, а мужчины не плачут.

Старик с грустным и уставшим лицом словно на мгновение застыл на месте. Он опустил веки, хрипло вздохнул и слегка покачал головой. От обилия морщин и дряблости кожи его

широкий рот казался безгубым, а глаза настолько сузились, что вместо них виднелись прорези. Угостив меня очередной горячей лепёшкой, он продолжил вспоминать:

— Твои родители, как и все родители на свете, хотели видеть своих детей счастливыми. Когда умерла Хошгедем, вы остались без материнской заботы. Отца часто навещали аксакалы*. Они приходили поддержать его в горе и советовали ему жениться во второй раз, но Гудрат не поддавался на уговоры. По прошествии нескольких месяцев аксакалам всё же удалось убедить его найти себе жену, ведь тяжело быть матерью и отцом одновременно. Он женился на вдове из соседнего села — на вашей мачехе Зульфина́з. Она чем-то напоминала Хошгедем и полюбила вас как родных. Вы очень скоро привязались к ней. Отец, видя, как быстро вы нашли с ней общий язык, тоже начал постепенно меняться. Он как будто оживал на глазах, становился веселее. Одним словом, жизнь вновь потекла своим чередом. Спустя примерно год после женитьбы отца родилась ваша сестра Назакя́т, и снова в доме зазвучали счастливые голоса. Снова готовилась праздничная еда, расстилались дастарханы, дом заполнялся смехом гостей и соседей, приходивших разделить радость. Твой отец в то время занимался охотой на диких животных — это было его самым любимым занятием и приносило хороший доход. Он был одним из лучших охотников — никогда не возвращался домой с пустыми руками: обязательно нёс с собой либо уток, либо мясо какого-нибудь животного. Гудрат часто угощал нас, аксакалов, вкусными блюдами из дичи. Волчьи, лисьи, заячьи шкуры и шкуры других пушных зверей он сдавал государству. Но, видишь ли, сынок, — тяжело вздохнул

* Аксака́л — глава рода, старейшина, почтенный пожилой человек, который у народов Кавказа и Средней Азии играет важную роль в общине как советник и судья.

дед, — из-за частых простуд на охоте здоровье твоего отца с каждым днём ухудшалось, и однажды он сильно заболел.

— Я помню это, — вставил я, дожёвывая последний кусок лепёшки.

Перед моими глазами возникали, как кусочки мозаики, разрозненные фрагменты прошлого: лицо отца, его походка, слова, смех и порой нахмуренные брови, последние дни его жизни. Вспоминая это, я почувствовал, как ком в горле стал совсем нестерпимым. Самые тяжёлые события моего детства застревали в памяти кровавыми пятнами, но я повторял себе: «Ты мужчина, Тагир! Нельзя плакать! Нельзя плакать! Нельзя плакать! Ведь как-никак ты — сын уважаемого человека, ты — сын Гудрата!»

— Тогда из соседнего села вызвали фельдшера по имени Агамёд, чтобы он вылечил твоего отца, — продолжил свой неспешный рассказ старик Гусейналы. — Фельдшер назначил твоему отцу несколько уколов и прописал лекарства, но всё это не помогло — ему становилось всё хуже и хуже. Пришлось везти твоего отца в районную больницу и лечить его там. Твоей мачехе Зульфиназ приходилось тяжело. Ночные бодрствования у постели отца, тщательный уход за ним, постоянная беготня то домой в село, то в больницу... В то же самое время ей нужно было присматривать за детьми и вести хозяйство. Но тяжелее всего была не эта суета, а душераздирающие страдания твоего отца. Она очень хотела сделать всё возможное, чтобы он скорее поправился, и поэтому часто делилась с ним своим оптимизмом, старалась вселить в него надежду на выздоровление, хотя сама сильно переживала и тайком плакала. Чтобы поддержать Зульфиназ, к ней приходили её родные братья и помогали ей по хозяйству. Врачи в районной больнице делали всё, чтобы было в их силах, но здоровье отца с каждым днём ухудшалось. Тогда его направили на лечение в

центральную больницу города Баку. После тщательного обследования у Гудрата обнаружили злокачественную опухоль в области горла. Врачи порекомендовали безотлагательно прооперировать его и подсоединить к аппарату искусственного дыхания. А он... к сожалению... — Дед сделал небольшую паузу. — Он отказался от их предложения, потому что считал непозволительным для мужчины зависеть от какой-то аппаратуры. Больше врачи ничем помочь ему не могли. Гудрату оставалось жить считанные дни, и по этой причине его отправили домой попрощаться с родными. В первые десять дней пребывания дома состояние твоего отца значительно улучшилось. Он самостоятельно поднимался с постели, ходил по дому, у него появился аппетит. Наверное, всё это было предвестием смерти*. Потом он неожиданно слёг, три дня не ел и не пил и от слабости не мог пошевелиться. Приблизительно в четыре часа ночи он низким сиплым голосом позвал к себе Мамедалы́, брата твоей родной матери, и Зульфиназ, которые по очереди дежурили возле него день и ночь, не отходя ни на шаг.

— Вы тоже там были, баба́? — нерешительно спросил я.

— Нет, сынок, это мне потом рассказал Мамедалы. Гудрат взял его с твоей мачехой за руки и, прерывисто дыша, еле выговорил: «Зульфиназ, обещай мне, что после моей смерти ты выйдешь замуж... Ты ещё очень молода... А ты, Мамедалы, отдай моих сыновей, Ализаде и Тагира, в детский дом. Я не хочу, чтобы они, осиротев, превратились в слуг... Они ещё совсем маленькие... Пусть государство позаботится о них и об их будущем. Навещайте их как можно чаще... Пусть дети не забывают вас. Теперь... приведите их ко мне... Я хочу в последний раз взглянуть на них...»

* У азербайджанцев существует поверье, что перед смертью человека его здоровье значительно улучшается, после чего больного резко настигает смерть. — *Примечание автора.*

Возможно, отец предвидел, какая жизнь ожидает нас, когда его не станет, и хотел уберечь от жестокости близких родственников, особенно своей сестры.

Смерть отца я помнил хорошо. Такое не забывается. Я помнил каждую морщинку на его руках, крепко сжимавших одеяло, все их линии, родинки и волоски. То были знакомые мне руки. В детстве они множество раз гладили меня по голове и спине. Когда он умирал, они стали такими неестественно бледными...

Перебивая деда, я сказал:

— Да, баба́, я помню этот момент. Мы тогда тихо подошли к его постели и присели рядом. Мы плакали и умоляли отца, чтобы он не покидал нас. Я помню, как по его щекам текли слёзы. Он хотел что-то сказать, но не мог. Просто смотрел на нас стеклянными глазами.

— Он не боялся смерти, сынок. Просто очень хотел вырастить вас и поставить на ноги и очень страдал от осознания того, что не сможет это сделать.

— Последнее слово, которое сказал отец, было «прощайте». — Едва произнеся это, я разрыдался, уже не пряча слёз от Гусейналы, шмыгая носом и вытирая руками глаза.

Некоторое время после того, как я успокоился, мы сидели молча, не шевелясь и не обращая внимания на происходящее вокруг. Я уставился на свои тощие босые ноги. Мысли унеслись к событиям той страшной ночи и последующим дням. Когда отец навеки закрыл глаза, мама Зульфиназ потеряла сознание. Мы с братом сильно плакали и не могли остановиться. Отца похоронили рядом с его братьями. От пережитого я несколько дней не мог есть, а меня уговаривали съесть хотя бы кусочек, мол, отец наблюдает за мной с небес и, если я не буду кушать, он сильно огорчится.

Напоследок я обнял старого чабана и поблагодарил его за подробную историю моих дедов и родителей.

- Спасибо вам за всё, Гусейналы-баба́.
- Забегай иногда, сынок.
- Конечно, баба́. До свидания!
- Ступай, пока не стемнело!

Идя по дороге, я размышлял, стало ли мне легче после услышанной мной истории или наоборот — умножились мои страдания и душевная боль, ведь если бы мой отец был жив, я сейчас не находился бы на попечении своей двоюродной сестры Гиямат, не работал бы пастухом и у меня была бы полноценная семья, которой мне так не хватало.

До конца дня я ходил, погружённый в воспоминания, — по крайней мере, в те из них, которые у меня остались и которые стоило бы затолкать поглубже и больше никогда не доставать... Но, может быть, как раз наоборот, надо было лицом к лицу заново встретиться с прошлым, принять его таким, каким оно было, а главное, принять в нём себя. Я же всё собирал и собирал по кусочкам свои коротенькие десять лет — то, что успел увидеть, почувствовать, что уцелело в моей израненной памяти.

А память эта, словно задетое по неосторожности осиное гнездо, выплёскивала на меня события одно мрачнее другого.

Оглавление

Часть I	7
Часть II.....	167
Благодарность.....	320
Краткий библейский комментарий	322
Об авторе	333